

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
НОВОСИБИРСКАЯ ЕПАРХИЯ
БЛАГОЧИНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

КУЛЬТУРА ОТЕЧЕСТВА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

(Историко-филологические проблемы
отечественной культуры)

Томск—1994 г.

росозерцания, в котором бы органически слились знание и вера, истина и Бог.

Размышляя о соотношении религиозного и художественного сознания, Батеньков приходит к доминантной для него эстетической концепции миротворчества и жизнестроительства, источником питания которого является созидательное по своей природе религиозное чувство.

Многие мысли поэта Батенькова о соотношении науки, искусства и религии найдут свое продолжение у ранних славянофилов и Жуковского, у Гоголя и Л. Н. Толстого, а на рубеже веков 19-го и 20-го выльются в стройную религиозно-философскую систему Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Соловьева и др.

К ПРОБЛЕМЕ «РУССКИЙ РОМАНТИЗМ» И РЕЛИГИЯ (30—40-е ГОДЫ)

Ф. З. Капунова

В библиотеке и архиве В. А. Жуковского содержится большой массив религиозной литературы (исписанная пометами Жуковского Библия в разных изданиях, досконально изучавшаяся Жуковским на протяжении всей жизни и оставившая глубокий след в его творчестве, — «от ранних стихотворений и «Библейских повестей» 10-х годов до поэмы «Агасфер» и перевода Нового Завета, к которому «поэт готовился всю жизнь»).

Отношение к религии у Жуковского в ранний, зрелый и поздний периоды его творчества было различным. Он проходит путь от «эстетического отношения» (Жирмунский) к религии (10—20 годы) к постижению глубинных принципов веры (30—40-е годы) и пересмотру в связи с этим многих художественных основ своего творчества.

Интенсификация религиозных исканий Жуковского в поздний период его творчества связана не только с логикой его собственного развития, но и с нравственно-философскими исканиями времени.

В русской литературе и культуре второй трети XIX века, начиная уже со второй половины 30—40-х годов, зреет острая потребность в процессе интегрирующем и восстанавливающем органическую целостность бытия.

Сейчас все отчетливее проявляется главная слабость немецкой идеалистической философии, ее неспособность органически соединить реальное, действительное и идеальное. Двоемирие, рационалистическая отвлеченность немецкой философии перестали устраивать передовых русских мыслителей, стремящихся к единству в великом синтезе (мечта ссыльных декабристов, Чаадаева, молодых славянофилов, Жуковского и Гоголя). Материализм и атеизм они воспринимали как тупик, определенный впоследствии Н. Бердяевым как «Немезида гегельянства»: «Вся новейшая философия <...>, — говорит он, явно обнаружила роковое свое бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта». Выходом из кризиса явилась религия, этот «глубинный источник питания». Для нас принципиально важно, что понимали это не только выдающиеся философы рубежа веков XIX и XX, но и многие прогрессивные мыслители и писатели 30—40-х годов.

Чаадаев считает, что христианство поставило себе цель — «возвращение индивидуального бытия к бытию всеобщему».

Постижение основ веры Жуковского в поздний период его творчества приводит к усилению мистического заряда поздней поэзии Жуковского, наличию к ней «миров иных», решительному примату интуиции над рациональными методами постижения человека. Это изменило жанровую природу его поздних произведений на всех уровнях: пространственно-временной организации, авторского повествования, характерологии.

Так же, как декабристы: А. Бестужев, Кюхельбекер, Лунин, Батеньков, — Жуковский с христианской религией связывал принципиально новый этап в развитии искусства слова. «Христианство своим явлением, — скажет он, — разоблачило перед человеком его высокую природу и возвеличило человеческую душу, указав ей ее падение и вместе с ним ее права на утраченное совершенство и блаженство, возвращенное ей искуплением». Важнейшая для Жуковского идея житнетворчества и житнестроительства углубляется, уточняется на основе философии откровения. Не внешняя (по терминологии Жуковского) чувствительная меланхолия, пассивная в своей основе, а житнетворная скорбь — источник деятельного внутреннего душевного движения, таинственных психологических превращений. Главное в духовном созерцании романтического поэта — это процесс проникновения в тайны души, связанный с божественным откровением. Этому служат значительно усилившиеся религиозно-мифологические мотивы, особая пространственно-временная организация поздних произведений Жуковского с их проникновением «в миры иные». Очень важной целью творчества для позднего Жуковского является подготовка человека к выходу в другую жизнь, в иррациональное и непостижимое.

мое «Там». Об этом он скажет в своей «Записной книжке» 1840 года: «Сама жизнь здешняя не что иное, как воспитание для будущего, а все будущее не что иное, как бесконечное воспитание для Бога». Жизнестроительство у Жуковского — сквозная тема его творчества — сейчас обретает широкий религиозный масштаб.

Здесь — путь принципиального сближения с Гоголем. (Это не только тема их переписки, но и стержневая мысль «Выбранных мест...»).

Библейская тема в творчестве Жуковского претерпевает глубокую эволюцию. Так, в стихотворении «Библия» (1814) и неопубликованных «Библейских повестях» конца 10-х годов: «Исаак», «Исав и Иаков», «История Авраама» мы видим поэтизацию ряда эпизодов «Святой Книги», чарующих величием нравственным, простотой и правдой патриархальных отношений. Это — художественное преломление ряда драматических эпизодов «Ветхого Завета», где верность Богу и Провидению дается как исконная данность. Перед нами — учительно-воспитательная проза с дидактическим отношением к религии. Иное дело «Агасфер» — эта религиозно-философская поэма вобрала в себя весь комплекс нравственно-философских религиозных проблем, волновавших Жуковского и оказавшихся весьма актуальными для его времени. Вместе с тем это постулирование обновленной поэтики Жуковского, основанной во многом на его религиозной философии.

«Агасфер» — произведение многоплановое и многослойное. Здесь суммированы многие доминантные идеи творчества Жуковского, осмысленные сейчас в аспекте религиозной философии: проблема истинной свободы и произвола (линия Агасфер — Наполеон), подлинного и мнимого бессмертия, проблема жизнестроительства, в основе которого очистительная сила страдания и искупление верой во Христа. В произведении глубокий, многослойный библейский подтекст. Библейские мотивы и образы — это не просто фон поэмы; их нравственно-философское и эстетическое функционирование в поэме определяет главное в ней — душевное движение центрального героя, формирование его духовности. Жуковский, проникая в глубокие пласты библейской мифологии, истории, современности, выстраивает свой миф о вечном жиде, его духовных блужданиях, страшном грехопадении, мучительном страдании и искуплении. Путь Агасфера у Жуковского — это страшный путь от злобы, богоотступничества, предательства, разрыва всех человеческих связей, вечного отвержения к искуплению своей вины через принятие веры Христа и покаяние.

«Покаяние» — ключевое слово в поэме. Оно употребляется десятки раз. Черновики свидетельствуют об огромной работе

Жуковского именно над сценами раскаяния Агасфера. С этой точки зрения ключевыми являются эпизоды с пастором христианской церкви Игнатием, важнейшая сцена встречи с Иоанном Благовестелем, любимейшим учеником Иисуса на острове Патмосе и значительная третья сцена — своего рода кульминация в «Агасфере» — сцена сна, вся сотканная из важнейших евангельских легенд, мотивирующих не только приход Агасфера к Христу, но и, как следствие этого, к людям.

Вся наполеоновская линия в Агасфере, в библейско-мифологическом произведении, возвращала читателей Жуковского к современности с ее революционными событиями, с ее окровавленным крестом.

Тема покаяния в поэме «Агасфер» была теснейшим образом связана с темой смерти как не только конца, но и начала новой, преображенной жизни. «У христиан, — пишет Жуковский, — все смерть, смерть — начало всего...». В Апокалипсисе Жуковский разовьет эти темы жизни, смерти и бессмертия тоже в духе философии христианства.

Религиозная философия Жуковского несла на себе черты провиденциализма, предсказывала будущее российской истории. Это был один из мотивов эстетики позднего Жуковского, сближающий его с религиозной философией рубежа веков, да и нашего времени.

ИДЕЯ НРАВСТВЕННОГО САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 1790—1810-х ГОДОВ

А. С. Янушкевич

Характеризуя своеобразие русской культуры 1790—1810-х гг., рубежа веков, Ю. М. Лотман справедливо замечал: «Основное культурное творчество этой эпохи проявилось в создании человеческого типа. Культурный человек начала XIX века — одно из самых замечательных и интересных явлений русской истории».

Едва ли не важнейшей и всепроникающей идеей этого процесса становится идея нравственного самоусовершенствования, внутренней, целенаправленной работы для подготовки себя к активной деятельности, для определения своего места в мире. Исто-